

Аполлона делают музы

Бенефис Игоря Зеленского в Мариинке

Коммерсантъ. - 2006. - 25 марта. - с. 9.

В Петербурге на балетном фестивале «Мариинский» прошел бенефис Игоря Зеленского. МАРИИ РАТАНОВОЙ и танцовщик, и программа показались верхом элегантности.

Три мужских балетных бенефиса, украсившие нынешний, шестой фестиваль, стали продолжением женских бенефисов прошлогоднего фестиваля «Мариинский». На этот раз Мариинский театр демонстрирует двух своих лучших премьер — Игоря Зеленского и Фаруха Рузимова (его бенефис состоится сегодня), подкрепив компанию солистом Большого Николаем Цискаридзе.

Из всех троих Игорь Зеленский сделал самую успешную международную карьеру, побывав в Милане и Лондоне и прослужив целых шесть лет в «доме Баланчина» — New York City ballet. Перетанцевав в Нью-Йорке внушительный баланчинский репертуар и отполировав до блеска свою виртуозную технику, Зеленский вернулся в отчий дом поднимать планку петербургского балета. Сегодня, пожалуй, никто лучше его в России не танцует Баланчина. Он это знает. И поэтому в свой бенефис включил «Аполлона Мусagetа» и «Бриллианты».

Однако чего бы стоила его техника и отработанный неоклассический стиль, если бы не имидж голливудской звезды, который он сам себе создал. Стройный блондинистый мальчик из Грузии с отличными данными, но без особых актерских дарований, каким он выпустился из Вагановского училища, в Америке Зеленский понял, что если уж похож на молодого Марлона Брандо — брутального романтика из американских трущоб 50-х, то таким и надо явить себя миру. Перед фестивалем мариинский пиар набросал образ еще более радикальный. На рекламных постерах Игорь Зеленский, с обнаженным торсом атлета и в мятых джинсах, на фоне пожарных труб и винтов, предстал эдаким современным суперменом из МЧС. Однако пиар оказался чистой провокацией: на бенефисе танцовщик продемонстрировал идеал балетного истеблишмента — первоклассный неоклассический репертуар плюс новая вещь в хореографии Аллы Сигаловой.

В «Аполлоне» на музыку Стравинского, в котором артисту уже рукоплескали Нью-Йорк и Лондон, сюрпризов ждать не приходилось, однако каноническая баланчинская вещь прозвучала неожиданно остро. Из спектакля правильно убрали пролог, изображающий роды Латоны — Аполлон Зеленского выглядел не как новорожденный бог, а как умуд-

ренный опытом мастер. Вначале застывшее выражение умудренности и даже усталости на лице чуть было не испортило впечатление. При том что заноски были легки, а позы скульптурны, в танцах олимпийца отсутствовал элементарный драйв. Как вдруг на вариацию вышла Терпсихора — Виктория Терешкина, и Аполлон Зеленского чудесно преобразился. Высокая, величаво-спокойная, силой телосложения напоминавшая знатокам баланчинскую балерину 50-х Диану Адамс, Терешкина буквально излучала жизненную энергию, гипнотизируя зал безуспешной техникой и красотой линий. Игривость с оттенком эротики, с которой она исполнила вариацию, смутила присутствовавших в зале нью-йоркских критиков (привыкших к бесстрастному исполнению Баланчина), однако невероятно вдохновила Аполлона. Его дуэт с Терпсихорой был исполнен на одном дыхании, а финал с тремя музами он провел уже так, как будто гора свалилась с божественных плеч. Стало ясно, что хотя Зеленский хорош и один, но в окружении муз — неподражаем.

Но главным сюрпризом бенефиса стало «Concerto Grosso» на музыку Георга Фридриха Генделя в постановке Аллы Сигаловой. Ей, судя по программе, принадлежат все составляющие номера: концепция, выбор музыки, костюмы и сценический дизайн. На голой сцене — Зеленский, в черной водолазке и черных брюках, в неожиданном для него образе интеллектуального танцовщика.

Он ведет страстный диалог с барочной музыкой Генделя, то закручиваясь в вихревых шене, то застывая в позах, точно родеоновский «Мыслитель». Впрочем, тут речь об эпохе барокко. Обнажившееся закулисье с высокими кирпичными арками заставляет вспомнить офорты Пиранезе. И еще об одной эпохе столь же ве-

ликих страстей. «Concerto Grosso G minor» Генделя, написанное в 1739 году, звучит в записи 1944 года — в исполнении Берлинского филармонического оркестра под руководством Вильгельма Фуртвенглера, легендарного дирижера нацистской Германии, чья судьба стала символом художественного сопротивления. Живший под постоянным прессом и угрозой преследования, Фуртвенглер наполнял исполняемую им музыку немецких классиков пафосом современных трагедий. Жесты, напоминающие взмахи рук дирижера, проскальзывают в хореографии, в которой, впрочем, нет буквальной изобразительности. Зеленский превратил ее в поэму о художественном бунтарстве и стоицизме. Алла Сигалова зря смущенно пряталась за занавесом — эффектный номер имел оглушительный успех.

«Бриллианты» из баланчинских «Драгоценностей» были бесприторным завершением вечера. Мариинский ансамбль, всегда с наслаждением танцующий музыку Чайковского, был в ударе. Те же нью-йоркские критики вынесли вердикт: такую блестящую пару солистов, как Дарья Павленко и Игорь Зеленский, не часто увидишь в самом New York City ballet. Павленко и правда была так хороша — таинственна в адажио, легка в вариации, что публика простила ей обидный срыв (соскок с пуанта) в финальных турах. А бенефициант, хотя уже не раз виденный в «Бриллиантах», снова изумил бесшумностью приземлений после мощных прыжков и красотой рисунка в турах. Главное же, что превратило эту танцевальную симфонию в маленький спектакль, — это легкая ирония, позволившая герою вечера отстраненно взглянуть на собственный имидж безупречного классического солиста.

В партии Аполлона Игорю Зеленскому (на переднем плане)

подбавляли божественности партнерши-музы ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО